

Посвящается памяти

Ивана Михайловича Балинского,
первого русского профессора психиатрии.

ПРОФЕССОРЪ
АЛЕКСѢЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ КОЖЕВНИКОВЪ.

(Краткій очеркъ его жизни и дѣятельности).

С. А. Суханова,

приватъ-доцента Московскаго Университета.

10-го января 1902 года, въ день закрытія VIII-го Пироговскаго Съѣзда, скончался въ Москвѣ на 65-мъ году жизни знаменитый профессоръ Московскаго Университета АлексѢй Яковлевичъ Кожевниковъ.

Онъ погибъ отъ тяжелой и мучительной болѣзни. Тревожные слухи о состояніи его здоровья постепенно усиливались и нарастали, но еще незадолго до своей кончины А. Я. отправилъ участникамъ секціи нервныхъ и душевныхъ болѣзней упомянутаго Съѣзда врачей телеграмму съ выраженіемъ своей благодарности въ отвѣтъ на посланное ему 4-го января привѣтствіе. Смерть такихъ выдающихся людей, къ какимъ принадлежалъ А. Я., оставляетъ послѣ себя не легко и не скоро заполняемую пустоту; такіе люди являются не часто, они—незаурядное явленіе и жизнь ихъ представляетъ поучительный и назидательный примѣръ для окружающихъ. Въ этомъ краткомъ и неполномъ очеркѣ мы

постараемся набросать интеллектуальный и нравственный облик А. Я. Кожевникова и показать, как развивался и вырос такой крупный общественный деятель и ученый.

А. Я. Кожевниковъ родился въ Рязани въ 1836 году; отецъ его былъ чиновникомъ мѣстной Казенной Палаты, а мать—дочерью рязанскаго купца. А. Я. былъ любимцемъ семьи, которая была довольно многочисленна. Съ ранняго дѣтства онъ отличался кроткимъ нравомъ и любознательностью; самоучкой выучился читать. Хотя отецъ и думалъ ограничить ученіе своего сына лишь уѣзднымъ училищемъ, но одинъ изъ учителей послѣдняго, оцѣнивъ по достоинству способности и любознательность А. Я., взялся готовить мальчика въ гимназію. Будучи въ рязанской гимназіи, А. Я. съ успѣхомъ переходилъ изъ класса въ классъ, кончилъ курсъ съ серебряною медалью и былъ записанъ на мраморную доску. Больше любимыми предметами его были физика и математика; что касается иностранныхъ языковъ, то въ гимназіи А. Я. могъ усвоить основательно лишь латинскій языкъ и вышелъ изъ нея съ плохимъ знаніемъ новыхъ языковъ, что было и немудрено, если, напр. учителемъ французскаго языка въ гимназіи былъ тогда отставной барабанщикъ Наполеоновской арміи. Въ 1853 году А. Я. поступилъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета. Его товарищъ—однокурсникъ по университету, *А. Х. Репманъ*¹⁾ помнитъ А. Я. съ первыхъ лекцій перваго академическаго года; помнитъ, напр., какъ внимательно и съ какимъ серьезнымъ видомъ студентъ Кожевниковъ слушалъ лекцію Фишеръ-фонъ Вальдгейма, читавшаго на латинскомъ языкѣ, а потомъ объяснялъ ее своимъ товарищамъ, не понявшимъ лекцію профессора, чѣмъ онъ не только не тяготился, но находилъ даже удовольствіе въ томъ, что его слушали. *А. Х. Репманъ* говорить: „Я, какъ сейчасъ

¹⁾ *А. Х. Репманъ*. Рѣчь произнесенная въ засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ при Московскомъ Университетѣ 15 января 1892 года.

вижу, какъ эта маленькая пчелка, собирала мѣдъ, порхала изъ стараго университета въ новый, въ Екатерининскую больницу, въ клиники, но ни разу не могу припомнить его на нашихъ пиршествахъ и кутежахъ“. Несомнѣнно, А. Я. много, усердно и серьезно занимался во время прохожденія университетскаго курса, чѣмъ среди своихъ товарищей онъ приобрѣлъ себѣ уваженіе. По окончаніи университета (1858) А. Я. занимался внутренними болѣзнями; въ слѣдующемъ году онъ получилъ еще званіе акушера; вскорѣ онъ началъ заниматься въ госпитальной терапевтической клиникѣ проф. Варвинскаго (при Ново-Екатерининской больницѣ), но, работая въ клиникѣ внутреннихъ болѣзней, А. Я. съ особеннымъ вниманіемъ и интересомъ останавливался на болѣзняхъ нервной системы. Когда прошло 3 года университетской службы при клиникѣ, А. Я. былъ оставленъ еще при университетѣ, а въ 1865 году защитилъ диссертацию на степень доктора медицины подъ заглавіемъ: „*Bolъznъ, описанная Дюшенномъ подъ именемъ ataxie locomotrice progressive*“. Послѣ защиты диссертации А. Я. былъ вынужденъ поѣхать для поправленія здоровья на Кавказъ, такъ какъ у него обнаружился скорбутъ; но и по возвращеніи съ Кавказа онъ долгое время былъ очень худъ. Въ 1866 году (въ апрѣлѣ) состоялся бракъ А. Я. съ Надеждой Егоровной Томилиной, а вскорѣ онъ съ женою уѣхалъ за-границу, куда былъ командированъ для изученія нервныхъ и душевныхъ болѣзней,—предмета, только-что выдѣленнаго въ самостоятельную каедру, независимую отъ частной патологіи и терапіи. Три года (1866—1869), проведенные за-границей, оказали несомнѣнно огромное вліяніе на послѣдующее медицинское развитіе А. Я.; онъ тамъ усердно учился, многому слызнова, посѣщалъ клиники и занимался въ лабораторіяхъ. Поѣхавъ за-границу, онъ прежде всего остановился въ Берлинѣ; потомъ А. Я. занимался въ Вюрцбургѣ, въ Вѣнѣ, Парижѣ и недолгое время въ Англіи. Въ іюль 1869 года А. Я. вернулся въ Россію. За границею онъ занимался анатоміей, гистологіей и фізіологіей нервной

системы, нервными и душевными болѣзнями и осмотромъ и изученіемъ устройства психіатрическихъ заведеній. Пребываніе за-границей дало А. Я. возможность написать нѣсколько капитальныхъ работъ; напр., ему удалось доказать связь нервныхъ клѣтокъ мозговой коры и мозжечка съ нервными волокнами; этому вопросу посвящены двѣ работы А. Я. 1) Axencylinderfortsatz der Nervenzellen im Kleinen Hirn des Kalbes (Schultze's Archiv für microscopische Anatomie, 1869) и 2) Axencylinderfortsatz der Nervenzellen aus des Grosshirnrinde der Menschen (тамъ-же). Въ „Университетскихъ извѣстіяхъ“ 1867 года А. Я. напечаталъ описаніе, тогда только-что построеннаго, парижскаго заведенія для душевно-больныхъ, извѣстнаго подъ именемъ „Asile S-te Anne“. По возвращеніи изъ за-границы А. Я. былъ назначенъ штатнымъ доцентомъ по кафедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, и онъ является въ Московскомъ Университетѣ первымъ профессоромъ по названной кафедрѣ, которую ему приходилось создавать самому; онъ заботился о развитіи клинической стороны дѣла и объ организации всего, что касалось улучшенія преподаванія и самостоятельныхъ научныхъ работъ. Нужно замѣтить еще, что съ 1871 года по 1874 г. А. Я., по порученію медицинскаго факультета, читалъ также и курсъ частной патологии и терапіи. Сдѣлавшись профессоромъ, А. Я. быстро сталъ приобретать среди университетскихъ дѣятелей и въ обществѣ авторитетность и извѣстность, онъ много, однако, работалъ надъ собой, умѣлъ собрать вокругъ себя лицъ, преданныхъ наукѣ, талантливыхъ работниковъ; онъ сумѣлъ привлечь интересъ общества по отношенію къ той наукѣ, представителемъ которой онъ является въ Московскомъ Университетѣ.

Въ его сознаніи зарождались широкіе планы, онъ съ необыкновенною настойчивостью и выдержанностью стремился къ выполненію ихъ. „Алексѣй Яковлевичъ, говоритъ *В. П. Сербскій*¹⁾, не только любилъ науку, отдавалъ ей безъ счета

¹⁾ *В. П. Сербскій*. Памяти А. Я. Кожевникова. Засѣданіе Общества невропатологовъ и психіатровъ при Московскомъ Университетѣ 15 января 1902 года.

и трудъ, и время, и силы, но умѣлъ вселить уваженіе и довѣріе къ ней и въ окружающемъ обществѣ, всегда отзывчивомъ на добрыя начинанія, разъ они исходятъ отъ сильныхъ нравственнаго лица. Высокій научный и нравственный авторитетъ Алексѣя Яковлевича обусловилъ щедрое пожертвованіе *В. А. Морозовой*, и ставшее благодаря этому возможнымъ устройство психіатрической клиники послужило краеугольнымъ камнемъ всей клинической организаціи при Московскомъ Университетѣ⁴. Такимъ образомъ, возникновеніе всего „Клиническаго городка“ въ Москвѣ тѣсно связано съ именемъ проф. А. Я. Кожевникова. Въ постройкѣ психіатрической клиники А. Я. принималъ самое близкое и живое участіе; онъ вникалъ во всѣ мелочи при ея постройкѣ и организаціи, обдумывалъ все самъ, заинтересовалъ другихъ, привлекалъ для обсужденія важныхъ вопросовъ лицъ, нужныхъ для этого. И если въ постройкѣ Московской психіатрической клиники оказались потомъ какія-либо недостатки, то они обусловливались не тѣмъ, что А. Я. упустилъ что-нибудь изъ виду и не обдумалъ, а тѣмъ, что взглядъ на организацію психіатрическихъ заведеній нѣсколько измѣнился впоследствии. При устройствѣ психіатрической клиники, А. Я. позаботился и объ организаціи ея научнаго отдѣла; онъ сдѣлалъ первый шагъ для устройства психологической лабораторіи, приобрѣтя нѣсколько необходимыхъ инструментовъ для экспериментальныхъ психологическихъ изслѣдованій; онъ положилъ начало библіотекѣ при психіатрической клиникѣ, лабораторіи для микроскопическихъ занятій и т. д. „И въ настоящее время, говоритъ *В. П. Сербскій*, мы только продолжаемъ, развиваемъ дальше тѣ начала внутренней организаціи, существенныя черты которой всецѣло даны ея основателемъ“. Завѣдываніе психіатрической клиникой, послѣ ея открытія, чтеніе лекцій по клинической психіатріи, требовало отъ А. Я. большого напряженія его умственныхъ и нравственныхъ силъ; онъ поражалъ своихъ помощниковъ своею энергіей и неутомимостью. Кромѣ того, въ то-же время онъ

завѣдывалъ отдѣленіемъ нервныхъ болѣзней при Ново-Екатерининской больницѣ, гдѣ читалъ курсъ нервныхъ болѣзней. Нужно принять во вниманіе, что трудность стоять въ главѣ психіатрическаго учрежденія, да еще такого, какъ московская психіатрическая клиника, увеличивалась для А. Я. еще тѣмъ, что такое дѣло было для него новымъ. И не смотря на всѣ трудности новаго для него дѣла, онъ справился съ нимъ съ честью для себя. Психіатрическая клиника была открыта въ 1867 году, и къ этому времени появилось „Описаніе психіатрической Клиники имени Абрама Абрамовича Морозова при Московскомъ Университетѣ“, слѣланное А. Я. Въ слѣдующемъ году начались новыя клиническія постройки на Дѣвичьемъ полѣ, и въ 1890 году была открыта, близъ психіатрической клиники, клиника нервныхъ болѣзней; понятно, что въ выработкѣ плана и организаціи этой клиники А. Я. принималъ также ближайшее и живое участіе. Послѣ возникновенія клиники нервныхъ болѣзней А. Я. отказался отъ завѣдыванія психіатрической клиникой и чтенія лекцій по психіатріи, что передано было московскимъ медицинскимъ факультетомъ покойному С. С. Корсакову, который былъ тогда приватъ-доцентомъ. До полученія С. С. Корсаковымъ званія профессора, А. Я. оставался лишь официальнымъ директоромъ психіатрической клиники.

Въ качествѣ директора новой клиники нервныхъ болѣзней А. Я. заботился постоянно о развитіи ея научныхъ и лечебныхъ приспособленій. Какъ необходимое дополненіе къ клиникѣ нервныхъ болѣзней, возникъ, благодаря его старанію и энергіи, *пріютъ для хроническихъ нервно-больныхъ*, соединенный съ клиникой теплымъ корридоромъ. Устройство этого *пріюта* давало возможность долго держать нѣкоторыхъ больныхъ, которые не могли оставаться въ клиникѣ, закрывавшейся на лѣто. Открытіе этого пріюта, составляющаго одно нераздѣльное цѣлое съ клиникой, состоялось въ октябрѣ 1891 года. Но откуда-же взялись средства на устройство этого учрежденія? Опять тотъ-же „высокій научный и нравствен-

ный авторитетъ Алексѣя Яковлевича“ служилъ источникомъ крупныхъ пожертвованій и на это дѣло.

Послѣ устройства клиники нервныхъ болѣзней сталъ возникать постепенно неврологическій музей, носящій въ настоящее время названіе: „*неврологическій музей имени профессора А. Я. Кожевникова*“. По идеѣ, положенной въ основаніе этого учрежденія, пишетъ *Г. И. Прибытковъ*¹⁾, цѣль его доставить необходимый матеріаль для всесторонняго изученія нервной системы, какъ въ нормальномъ, такъ и патологическомъ состояніи, и онъ долженъ интересоваться не только врачей, но и лицъ другихъ специальностей—антропологовъ, психологовъ, криминалистовъ и т. п. и служить средствомъ единенія между различными науками, которыя имѣютъ отношеніе къ нервной системѣ чловѣка“. Въ музей этотъ, при основаніи, поступила соотвѣтствующая коллекція, принадлежащая А. Я. Благодаря лишь личной энергіи А. Я., проявленной въ организаціи этого дѣла, музей увеличивался и разрастался; для процвѣтанія *неврологическаго музея* А. Я. не щадилъ ни силъ, ни времени; въ устройство его онъ вложилъ довольно много и личныхъ средствъ. Въ 1897 году, ко времени XII международнаго съѣзда врачей, бывшаго въ Москвѣ, А. Я. Кожевниковъ, вмѣстѣ съ *Г. И. Прибытковымъ*, издалъ описаніе *неврологическаго музея* съ прекрасными рисунками, причемъ текстъ составленъ на двухъ языкахъ (русскомъ и французскомъ); но еще при основаніи музея А. Я. мечталъ о томъ, что это учрежденіе должно превратиться въ учрежденіе болѣе широкое—въ *Неврологическій Институтъ*. Итакъ, выше мы указали по то, что съ именемъ А. Я., связаны четыре учрежденія: 1) психиатрическая клиника, 2) клиника нервныхъ болѣзней, 3) пріютъ для хроническихъ нервно-больныхъ и 4) неврологическій музей.

¹⁾ *Г. И. Прибытковъ*. А. Я. Кожевниковъ. Медицинское обозрѣніе, 1902 № 4, стр. 344.

VIII

Въ октябрѣ 1890 года было устроено первое торжественное публичное засѣданіе Московскаго Общества невропатологовъ и психіатровъ, гдѣ А. Я. произнесъ рѣчь „о задачахъ Общества и объ исторіи его учрежденія“. А. Я. былъ избранъ предсѣдателемъ Общества невропатологовъ и психіатровъ, въ каковой должности онъ и состоялъ до конца своей жизни. Еще ранѣе официальнаго открытія Общества въ квартирѣ А. Я. собирався въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ кружокъ лицъ, научно интересовавшихся невропатологіей и психіатріей; въ этомъ кружкѣ А. Я. являлся центромъ, вокругъ котораго сгруппировались научныя силы; въ этомъ кружкѣ окрѣпли и приобрѣла новую силу московская школа невропатологовъ и психіатровъ; здѣсь сплотилось дружное общество и сблизились между собой всѣ участники этого кружка. Со времени открытія Общества А. Я. принималъ въ немъ самое дѣятельное и живое участіе; до тѣхъ поръ, пока А. Я. появлялся въ общественныхъ мѣстахъ, пока онъ по болѣзни не прекратилъ своихъ общественныхъ занятій, онъ не пропустилъ ни одного засѣданія Общества въ теченіе 1890—1899 г.г. А. Я. на засѣданія Общества являлся всегда оккуратно, много раньше другихъ членовъ Общества. Во время засѣданія, онъ внимательно выслушивалъ всѣ доклады, не отвлекаясь при этомъ ничѣмъ постороннимъ; во время преній онъ являлся образцовымъ руководителемъ и предсѣдателемъ. Въ обсужденіе научныхъ вопросовъ онъ мастерски вносилъ элементъ объективности и сдержанности. А. Я., слѣдя за преніями самымъ внимательнымъ образомъ, умѣлъ искусно направлять ихъ, пояснять, гдѣ нужно недостаточно ясно выраженныя мысли другихъ, во время опредѣлялъ, когда вопросъ уже былъ достаточно исчерпанъ. Дѣлая свое заключеніе по поводу выслушеннаго, онъ обнаруживалъ при этомъ, съ какимъ вниманіемъ онъ слушалъ и слѣдилъ за всѣмъ, что говорилось. А. Я. создавалъ атмосферу, наиболѣе пригодную для истинно-научнаго изслѣдованія затронутыхъ вопро-

совъ, онъ не спѣшили никогда поскорѣе закончить засѣданіе и прекратить занятія.

Когда во время болѣзни А. Я. прислалъ въ Общество письмо, въ которомъ онъ, выражалъ сожалѣніе по поводу невозможности присутствовать на публичномъ засѣданіи (1899 года) и отказался отъ должности предсѣдателя, которую онъ не можетъ болѣе нести по болѣзни, Общество единогласно избрало его своимъ предсѣдателемъ, что повторялось и въ слѣдующіе два года. Общество не могло помириться съ мыслью не считать А. Я. своимъ предсѣдателемъ, пока онъ живъ. Несмотря на свою тяжелую болѣзнь, не смотря на свое тягостное физическое состояніе А. Я. живо интересовался дѣлами Общества, и можно сказать, что до конца его жизни связь Общества съ его необыкновеннымъ и выдающимся предсѣдателемъ не прерывалась.

Въ организациі нѣкоторыхъ психіатрическихъ заведеній А. Я. сыгралъ весьма большую роль. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи вопроса объ организациі призрѣнія земствомъ душевно-больныхъ въ Московской губерніи. При устройствѣ Алексѣевской больницы на Канатчиковой дачѣ А. Я. участвовалъ, по приглашенію Московской городской Управы, въ выборѣ мѣста и въ созданіи плановъ для построекъ и т. д. Въ качествѣ члена Общества невропатологовъ и психіатровъ А. Я. участвовалъ въ коммиссіяхъ, занимавшихся разсмотрѣніемъ плановъ и проэктвъ постройки психіатрическихъ лѣчебницъ Курскаго, Харьковскаго и Орловскаго земства, Самарской земской лѣчебницы для алкоголиковъ, Центрального полицейскаго пріёмнаго покоя для душевно больныхъ въ г. Москвѣ и т. д. Съ своимъ авторитетнымъ и вѣскимъ словомъ онъ выступалъ также и на сѣздѣ земскихъ врачей Московской губерніи по вопросу объ изслѣдованіи алкоголизма въ названной губерніи.

Какъ преподаватель, А. Я. Кожевниковъ былъ также выдающимся профессоромъ по своему умѣнію и мастерству чтенія лекцій; онъ тщательно готовился къ послѣднимъ; свои

лекціи онъ располагалъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ; онъ точно зналъ, что именно онъ будетъ говорить. Онъ спокойно входилъ въ аудиторію, подавляя въ себѣ малѣйшее волненіе. Говорилъ онъ необыкновенно ясно, отчетливо, никогда не спѣшилъ. Его рѣчь, проникнутая дѣловою торжественностью, приковывала вниманіе слушателей; онъ умѣлъ заинтересовать предметомъ слушателей и внушать и поддерживать въ нихъ духъ серьезнаго, вдумчиваго и строго научнаго изслѣдованія. Слушатели весьма охотно посѣщали лекціи своего профессора, имѣвшаго въ ихъ глазахъ столь высокій научный авторитетъ. Если слушатели шли съ охотою на его теорическія лекціи, то, конечно, клиническія лекціи, читавшіяся имъ пятому курсу студентовъ, привлекали еще больше вниманія и слушались съ еще бѣльшимъ интересомъ. А. Я. отличался особеннымъ умѣніемъ демонстрировать на лекціи больныхъ; онъ обладалъ необыкновенною способностью показать больного такъ, что получалось цѣльное и, какъ-бы художественное впечатлѣніе; видѣнные на клиническихъ лекціяхъ А. Я. больные надолго оставались въ памяти его слушателей такими, какъ онъ ихъ показывалъ. Съ университетской кафедры, какъ и вездѣ въ общественныхъ собраніяхъ, А. Я. говорилъ только то, что хорошо зналъ; онъ избѣгалъ громкихъ фразъ, избѣгалъ говорить о вопросахъ, не изученныхъ имъ всесторонне. Лекціи А. Я. производили огромное впечатлѣніе на слушателей строгою послѣдовательностію изложенія и логичностью выводовъ, въ его голосѣ и манерѣ держаться спокойно звучала искренняя убѣжденность въ вѣрность и точность того, что онъ говорилъ; его мысль не шаталась изъ стороны въ сторону, а текла по опредѣленному направленію и къ опредѣленной цѣли.

Только что указанныя качества ума проявлялись и въ научныхъ работахъ А. Я., который, по словамъ *В. К. Пота*¹⁾, „былъ образцомъ добросовѣстнаго научнаго работника для

¹⁾ Русскія Вѣдомости, 1902, № 12 января.

своихъ учениковъ. Замѣчательно, что при множествѣ противорѣчивыхъ изслѣдованій по одному и тому-же предмету, характеризующемъ современную медицинскую литературу, едва-ли найдется хоть одна изъ работъ проф. Кожевникова, которая не была бы прочнымъ вкладомъ въ науку, не внесла-бы въ нее положительнаго факта или вывода и была-бы кѣмъ-нибудь внослѣдствіи опровергнута“. Въ спискѣ его научныхъ работъ преобладаютъ изслѣдованія по клинической невропатологіи; сюда относятся слѣдующія работы А. Я.: 1) „Афазія и центральный органъ рѣчи“ (Врачебный Вѣстникъ, 1874 г.); 2) „Cas de sclérose latérale amyotrophique (dégénérescence des faisceaux pyramidaux se propageant a travers tout l'encéphale“ (Archives de Neurologie, 1883); 3) „случай амиотрофическаго склероза. Перерожденіе пирамидальныхъ путей на всемъ ихъ протяженіи, а также и мозговой коры въ соответствующихъ мѣстахъ“ (Вѣстникъ Психіатріи, 1885 г.). 4) „Ophthalmoplegia nuclearis“ (Медицинское Обзорѣніе, 1887 г. и Progrès Médical, 1887 г.); 5) „Объ алкагольномъ параличѣ“ (Вѣстникъ Психіатріи, 1891); 6) „Acromegalia“ (Медицинское Обзорѣніе, 1893), 7) „Латиризмъ“ (Вѣстникъ Психіатріи, 1894); 8) „Два случая ophthalmoplegiae nuclearis“ (Медицинское Обзорѣніе, 1894); 9) „Особая форма эпилепсiи. „Epilepsia partiales continua“ (Медицинское Обзорѣніе 1894); 10) „Diplegia spastica progressiva familiaris“ (Медицинское Обзорѣніе, 1895); 11) „О вліяніи психической дѣятельности на нервныя болѣзни“. (Рѣчь и отчетъ Московскаго Унверситета, 12 января 1895 г.); 12) „Случай выздоровленія отъ сикоза“ (Медицинское Обзорѣніе, 1895); 13) „Астеническій бульбарный параличъ“ (Медицинское обзорѣніе, 1896 г.); 14) „Zwei Fälle von asthenischer Bulbärparalyse (Deutsche Zeitschrift für Nervenheilkunde, 1896 г.); 15) „Астеническій бульбарный параличъ. Дальнѣйшее наблюденіе ранѣе представленнаго случая“ (Протоколы Общества невропатологовъ и психіатровъ, 1897 г.); 16) „Изслѣдованіе алкоголизма въ Московской губерніи, 1898 г.); (Труды съѣзда земскихъ вра-

чей Московской губерніи, 1898), 17) „Разстройство кровообращенія подъ вліяніемъ душевныхъ болѣзней“ (Рѣчь, произнесенная въ годичномъ засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ въ октябрѣ 1898 г.).

Этотъ длинный рядъ обстоятельныхъ клиническихъ работъ показываетъ, какъ глубоко интересовала А. Я. научная клиническая невропатологія; какое значеніе имѣли изслѣдованія А. Я., достаточно указать, напр., что „особая форма картикальной эпилепсїи“ носитъ даже названіе „*Кожевниковская эпилепсія*“. Читатель припомнитъ, конечно, какую бурю возраженій и замѣчаній вызвало его изслѣдованіе по поводу выздоровленія отъ сикоза, подтвердившееся аналогичными описаніями, которыя показали, что А. Я. въ своей работѣ не допустилъ никакой ошибки. Многія изъ работъ А. Я. можно-бы назвать классическими въ смыслѣ образцоваго и строго научнаго изложенія предмета, о которомъ онъ говоритъ. Кромѣ неврологіи, невропатологіи и психіатріи, А. Я. интересовался зоологіей, сравнительной анатоміей, антропологіей и археологіей (и въ частности археологическими раскопками).

Какъ высоко ученики А. Я. цѣнили его, какъ научнаго дѣятеля, образцоваго организатора и руководителя, сказалось между прочимъ въ томъ, что въ 1890 году ему былъ посвященъ солидный „Сборникъ статей по невропатологіи и психіатріи“, въ составъ котораго вошли около 20 самостоятельныхъ научныхъ работъ его учениковъ и почитателей; это событіе было приурочено къ двадцатипятилѣтію, протекшему со времени докторскаго диспута А. Я. Кожевникова.

Особенною торжественностью отличалось празднованіе 6 марта 1894 года 25-лѣтняго юбилея преподавательской дѣятельности А. Я. Кожевникова въ публичномъ засѣданіи Московскаго Общества невропатологовъ и психіатровъ; здѣсь огромныя заслуги А. Я., какъ профессора, ученаго и общественнаго дѣятеля, получили справедливую оцѣнку.

Многочисленныя ученныя Общества, самыя разнообразныя медицинскія учрежденія, отдѣльныя лица привѣтствовали сер-

дечно въ этотъ знаменательный въ исторіи русской невропатологіи и психіатріи день Алексѣя Яковлевича Кожевникова. Описаніе этого торжества имѣется въ отдѣльномъ изданіи ¹⁾. Московское Общество невропатологовъ и психіатровъ, сдѣлавъ прекрасную оцѣнку научной и общественной дѣятельности А. Я., объявило въ своемъ адресѣ объ учрежденіи преміи его имени за ученныя работы по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ и избрало его своимъ почетнымъ членомъ. Общество психіатровъ въ С.-Петербургѣ, Казанское Общество психіатровъ и невропатологовъ, Московское психологическое, Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, Тамбовское медицинское Общество, Виленское медицинское Общество избрали А. Я. Кожевникова въ свои почетные члены.

Трогательные по содержанію адреса поднесены были, между прочимъ, 6-го марта 1895 года отъ созданныхъ имъ психіатрической клиники и клиники нервныхъ болѣзней, а также отъ студентовъ-медиковъ IV и V курсовъ. „Еще будучи Вашими учениками, говорилось въ адресѣ отъ студентовъ V-го курса, мы живѣе другихъ находимся подъ впечатлѣніемъ Вашихъ высоко-талантливыхъ и строго-научныхъ лекцій. Точный и тонкій анализъ болѣзненныхъ явленій вмѣстѣ съ постояннымъ стремленіемъ найти въ этомъ средство къ познаванію сложныхъ фізіологическихъ законовъ нервной системы доставляли Вашимъ слушателямъ глубокое удовольствіе и пользу.

Въ адресѣ отъ студентовъ IV-го курса говорилось: „Великое Вамъ спасибо, дорогой наставникъ, за Ваши сильныя своею яркостью изложенія, за Ваше стараніе сдѣлать свои лекціи, какъ можно было демонстративными. Вы не жалѣли своихъ

¹⁾ Отчетъ о публичномъ засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 6-го Марта 1894 года, посвященномъ чествованію 25-лѣтней преподавательской дѣятельности профессора Алексѣя Яковлевича Кожевникова. Москва 1894.

силъ для того, чтобы научить насъ! Но еще болѣе спасибо, дорогой Алексѣй Яковлевичъ, за то доброе сердечное отношеніе къ намъ студентамъ, за ту горячую готовность, съ которой Вы брались за защиту нашихъ нуждъ и интересовъ. Это Ваше простое, сердечное отношеніе къ намъ заставляло не разъ вспоминать о лучшихъ временахъ университетской жизни, когда профессора и студенты составляли одну семью, жившую общимъ интересомъ, общою любовью къ наукѣ, къ идеаламъ добра и справедливости и, вѣроятно, не разъ еще въ будущемъ, когда мы выступимъ на практическую дѣятельность, въ тяжкія минуты жизни Ваша нравственная личность будетъ служить намъ поддержкой на тяжеломъ и отвѣтственномъ посту врача“.

Торжественное юбилейное чествованіе Алексѣя Яковлевича Кожевникова не заставило, конечно, его почить на лаврахъ, и онъ съ прежнею, если не съ болѣею еще, энергіей продолжалъ свои обычныя дѣла и занятія, завѣдывалъ клинкой нервныхъ болѣзней, прилагалъ всѣ усилія къ ея процвѣтанію, устраивалъ и расширялъ неврологическій музей, также тщательно, какъ и прежде, готовился къ своимъ лекціямъ, предсѣдательствовалъ въ каждомъ засѣданіи Общества невропатологовъ и психіатровъ и участвовалъ въ его многочисленныхъ комиссіяхъ. При устройствѣ XII международнаго Съѣзда врачей, бывшаго въ Москвѣ въ 1897 году, А. Я. принималъ дѣятельное участіе въ подготовительныхъ работахъ этого съѣзда, состоя товарищемъ предсѣдателя исполнительнаго комитета и однимъ изъ завѣдующихъ секцій нервныхъ и душевныхъ болѣзней. Нечего и говорить о томъ, сколько труда и энергіи потратилъ на это дѣло А. Я., при его крайней добросовѣстности при исполненіи имъ своихъ обязанностей и того, что онъ считалъ своимъ долгомъ. За послѣдніе года четыре здоровье А. Я. замѣтно пошатнулось; онъ и прежде не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, былъ на видъ худъ, рано состарился, уже давно-давно посѣдѣлъ, а тутъ сталъ еще худѣе, еще больше постарѣлъ физически,

сохраняя въ полномъ разцвѣтѣ свои умственныя силы и нравственную энергію. „Насколько Алексѣй Яковлевичъ не щадилъ себя, пишетъ *Г. И. Прибытковъ*¹⁾, а всецѣло отдавался служенію своему кумиру—наукѣ, это мы видѣли, когда начали появляться первые признаки болѣзни, сведшей его въ могилу: не смотря на недомоганіе, часто на сильныя боли, его мучившія, онъ, тщательно сказывая свои страданія, продолжалъ обычныя занятія, обходилъ палаты въ клиникѣ и пріютѣ, тщательно изучалъ больныхъ, всегда съ неослабнымъ вниманіемъ относился къ нимъ, читалъ лекціи, велъ практическія занятія со студентами, сидѣлъ въ лабораторіи или въ своемъ кабинетѣ надъ микроскопомъ“. Не смотря на развившуюся болѣзнь, которая сопровождалась мучительными симптомами, А. Я. по прежнему продолжалъ бывать на засѣданіяхъ Общества и предсѣдательствовалъ на нихъ. Духъ его былъ все также бодръ, хотя всѣ видѣли, что физическое здоровье А. Я. постепенно подаетъ все больше и больше. Затѣмъ болѣзнь заставила его отказаться отъ занятій въ общественныхъ мѣстахъ; наконецъ, она приковала его къ постели. Во время болѣзни онъ подвергался хирургической операціи, произведенной проф. Московскаго Университета А. А. Бобровымъ. Но ничто ему не помогало, и организмъ его все больше и больше разрушался. Только морфіемъ облегчались мучительныя боли. Еще и при жизни А. Я. высказывалось предположеніе о томъ, что онъ страдаетъ канкрознымъ процессомъ въ уро-генитальныхъ органахъ. Аутопсія подтвердила это предположеніе и констатировали раковое новообразование въ области простаты и мочевого пузыря съ метастазами въ другіе органы. Онъ самъ пожелалъ, чтобы послѣ смерти было произведено вскрытіе; онъ заранѣе позаботился о томъ, чтобы изслѣдованіе его органовъ пошло на пользу наукѣ. А. Я. распредѣлил самъ заблаговременно, въ какое учрежденіе и какіе изъ его органовъ должны быть переданы. Уже и въ

¹⁾ Медицинское Обозрѣніе, 1902, № 2, стр. 188.

этомъ предсмертномъ желаніи А. Я. сказывается его преданность и любовь къ наукѣ, забота о томъ, чтобы наблюденіе и изслѣдованіе его многими врачами при жизни было пополнено патолого-анатомическими изслѣдованіями. Почти до самой своей кончины А. Я. сохранялъ ясность сознанія; онъ зналъ о Пироговскомъ Съѣздѣ, обмѣнялся привѣтствіями съ секціей нервныхъ и душевныхъ болѣзней, интересовался до послѣднихъ дней Обществомъ, его „Журналомъ“, своимъ „Неврологическимъ Музеемъ“ и всѣмъ, что было ему близко и дорого.

10-го Января 1902 г. не стало А. Я. Кожевникова. Онъ скончался въ указанный день, вечеромъ, въ одиннадцатомъ часу. 12-го января, въ годовщину Московскаго Университета, появился первый некрологъ покойнаго, составленный проф. *В. К. Ротомъ* и напечатаннымъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. „Мы лишились, говоритъ проф. *В. К. Ротъ*, выдающагося убѣжденнаго общественнаго дѣятеля, стойкаго члена факультета и совѣта, составлявшаго гордость Московскаго Университета. Любовь къ истинѣ—въ наукѣ и жизни,—эта основная черта въ его характерѣ, опредѣляли его дѣятельность, всегда обдуманную, его отношеніе къ людямъ, всегда справедливое и гуманное. Высокое уваженіе всѣхъ знавшихъ его было ему наградою и облечало ему выполненіе всѣхъ начинаній, а вѣра въ его дѣло привлекала къ нему помощниковъ и сотрудниковъ“.

14 января состоялось погребеніе А. Я. Кожевникова на кладбищѣ Алексѣвскаго монастыря въ Москвѣ; его могила находится недалеко отъ мѣста вѣчнаго покоя проф. *С. С. Корсакова* и *А. А. Токарскаго*. Надъ еще не засыпанной могилой А. Я. Кожевникова *Г. И. Прибытковъ*¹⁾ произнесъ прочувствованную рѣчь о покойномъ, въ которой говорилось, между прочимъ слѣдующее: „Онъ на одрѣ болѣзни, измощенный страданіями, не переставалъ интересоваться любимой

¹⁾ Русское Слово, 15 Января 1902 г.

имъ наукой и пользовался каждымъ моментомъ облегченія, чтобы работать. Даже въ самыя тяжелыя минуты страданій онъ оживалъ и укрѣплялся духомъ, когда заходила рѣчь о научныхъ вопросахъ и дорогихъ его сердцу основанныхъ имъ научныхъ учрежденій“.

15 января состоялось экстренное засѣданіе Московскаго Общества невропатологовъ и психіатровъ по случаю кончины почетнаго члена и предсѣдателя проф. А. Я. Кожевникова, на которомъ были произнесены нѣсколькими лицами рѣчи, посвященныя памяти покойнаго и характеризующія его сложную психическую личность съ различныхъ сторонъ. *В. К. Ротъ* говорилъ о томъ, что А. Я. мучился и страдалъ во время своей болѣзни больше всего отъ сознанія собственнаго физическаго безсилія, невозможности служить тому, чему онъ былъ предавъ всею душою,—наукѣ, клиникѣ, неврологическому музею, обществу невропатологовъ и психіатровъ, которому онъ былъ такъ преданъ; на порогѣ смерти онъ просилъ показать ему послѣднюю книгу „Журнала имени С. С. Корсакова“, издаваемого Обществомъ и хотѣлъ было читать, по силы оставили его; это былъ „нашъ учитель и духовный отецъ“, за которымъ всѣ ученики шли охотно, какъ сыновья. *А. Х. Гепманъ*, университетскій товарищъ А. Я., вспомнилъ о студенческихъ годахъ покойнаго, о томъ, какъ они познакомились, какъ А. Я. всегда сочувственно и съ интересомъ помогалъ другимъ въ ихъ научныхъ занятіяхъ и работахъ. *И. В. Константиновскій* отмѣтилъ, между прочимъ, что А. Я. „внесъ въ дѣло преподаванія присущія ему очень важныя качества: строгій критическій анализъ явленій и осторожность выводовъ... Его личныя качества, мягкое обращеніе со всѣми, беззаветная преданность наукѣ, основательность доводовъ, задуманнаго имъ предпріятія,—вызывали къ нему довѣріе со стороны общества и желаніе придти на помощь своими пожертвованіями“. *В. П. Сербскій*, вспоминая объ А. Я., какъ основателѣ и первомъ директорѣ московской психіатрической клиники, говоритъ, что въ этомъ единичномъ фактѣ

„во всей полнотѣ проявились тѣ высокія качества научныя и нравственныя, которыя создали ему почетную извѣстность далеко за предѣлами Москвы. Изъ этихъ завидныхъ и рѣдкихъ качествъ на первомъ мѣстѣ безспорно стоятъ беззаветная преданность наукѣ и неуклонное исполненіе того, что онъ считалъ своимъ долгомъ“. Отмѣчая участіе, которое пришлось принимать А. Я. въ обсужденіи построекъ и организація многихъ психіатрическихъ лѣчебницъ, *В. П. Сербскій* заключаетъ, что „мы потеряли одного изъ наиболѣе крупныхъ и серьезныхъ дѣятелей на почвѣ общественной психіатріи, не мало содѣйствовавшаго развитію и процвѣтанію дорогого для насъ дѣла“. *Л. С. Миноръ* указалъ на тотъ „высокій тонъ“, который далъ Алексѣй Яковлевичъ Обществу, какъ предсѣдатель, и на его необыкновенныя организаторскія способности, однако невольно вспоминается рядомъ съ А. Я. и другой дѣятель Общества *С. С. Корсаковъ*. Ихъ совмѣстная дѣятельность была чрезвычайно плодотворна для Общества; эти два лица дополняли другъ друга и дѣятельность одного изъ нихъ нельзя представить безъ дѣятельности другого. Ихъ совмѣстная работа напоминаетъ собою мудрый образъ Сократа, въ которомъ уживаются словно два человѣка съ качествами характера не совсѣмъ одинаковыми. *Г. И. Прибытковъ* называетъ А. Я. Кожевникова „собирателемъ“ московской школы невропатологовъ и психіатровъ. „Его значеніе главнымъ образомъ въ томъ, что онъ обладалъ умѣніемъ выбирать себѣ помощниковъ, пріохочивать къ научной работѣ, умѣлъ окружать себя энергичными и любящими науку людьми, что онъ обладалъ такими свойствами, при которыхъ эти люди ютились около него и до конца дней его оставались вѣрными ему и сохранили къ нему доброе расположеніе“. *А. А. Корниловъ* считаетъ А. Я. учителемъ, рядомъ съ которымъ едва многихъ можно поставить; въ дѣлахъ Общества А. Я. работалъ надъ каждымъ самымъ мелочнымъ дѣломъ; когда требовалось рѣшить что-нибудь отъ имени Общества, А. Я. „не жалѣлъ ни своего труда, ни времени, ни силъ“. Несом-

вѣрно, что послѣ клиникъ засѣданія Общества являлись „главною лабораторіей невропатологической и психіатрической мысли Москвы“; что касается личной работы А. Я., то всегда „удивляла въ ней одна характерная черта—эта какъ-бы *неспѣшность* ея..... никогда и никуда онъ не торопился. Но вотъ подходитъ время, когда нужно работѣ появиться на свѣтъ, и оказывается, что она давнымъ давно готова, провѣрена, исправлена“. А. Я. тщательно провѣрялъ свои работы, и, повидимому, дѣло доходило здѣсь до крайней щепетильности; то, что онъ написалъ было всегда вѣрно. „Фактъ, описанный А. Я., никогда не могъ внушить ни тѣни сомнѣнія ни въ вѣрности наблюденія, ни въ обдуманности заключеній“. На томъ знамени, съ которымъ онъ шелъ въ жизни, были начертаны слова: *наука и долгъ*.

Въ засѣданіи 15 января 1902 г. въ Московскомъ Обществѣ невропатологовъ и психіатровъ обсуждался вопросъ объ увѣковѣченіи памяти профессора Алексѣя Яковлевича Кожевникова, причемъ было высказано нѣсколько предложеній по этому вопросу. Наиболѣе желательнымъ является, главнымъ образомъ, если найдутся достаточныя средства, устройство отдѣльнаго зданія въ которомъ могъ бы помѣщаться „Неврологическій Музей (впослѣдствіи Институтъ) имени проф. А. Я. Кожевникова“ и при немъ различнаго рода лабораторіи. Вѣроятно найдутся и средства на осуществленіе идеи неврологическаго института, столь смѣло и широко задуманнаго еще самимъ А. Я.

Личность А. Я. является весьма сложной, это цѣльная и богато одаренная натура. Характеристика А. Я. со стороны одного человѣка была-бы не полна и односторонняя; въ біографическомъ очеркѣ такихъ выдающихся общественныхъ и научныхъ дѣятелей необходимо всегда приводить освѣщеніе ихъ психическаго склада различными лицами. Поэтому, мы и старались познакомить читателя съ тѣмъ, какъ смотрѣли на А. Я. люди его близко знавшіе и имѣвшіе съ

нимъ дѣло въ разныхъ областяхъ. *В. Ф. Стримонъ*¹⁾ пишетъ: „и съ кончиной его Россія лишилась едва-ли не лучшаго своего невролога, Московскій университетъ—замѣчательнаго профессора, Московскіе врачи—превосходнаго, незамѣнимаго консультанта, больные—добраго и авторитетнаго совѣтника“. *В. В. Муравьевъ*²⁾, вспоминая отдѣльные факты изъ жизни А. Я., отмѣчаетъ его превосходныя качества, какъ профессора: „въ точномъ прозрачно-ясномъ изложеніи развертываются передъ слушателями симптомы данной болѣзни, ея патогенезъ и лѣченіе. Въ изложеніе строго продумано; всѣ части его хорошо сложены; никакихъ противорѣчій“. Демонстрируя больныхъ на лекціяхъ, А. Я. дѣлалъ то „очень наглядно, съ большимъ искусствомъ“; онъ умѣлъ „наиболѣе характерныя черты болѣзни представить особенно выпукло, обратить на нихъ особенное вниманіе“. Какъ председатель Общества, А. Я. умѣлъ придать засѣданіямъ „характеръ особенной серьезности и даже нѣкоторой торжественности.... всякій проникался сознаниемъ отвѣтственности за все, имъ сказанное, и поэтому не разъ подумаетъ, прежде чѣмъ выступить съ своимъ мнѣніемъ.... Основной чертой А. Я. было строгое критическое отношеніе ко всему, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Всякое его слово имѣло свой смыслъ и свое значеніе, всякое его дѣйствіе было строго обдуманно и согласовано съ обстоятельствами“. А. Я. все дѣлалъ, какъ слѣдуетъ и ничего не дѣлалъ кое-какъ. Къ своимъ лекціямъ онъ готовился очень тщательно; онъ заботился, чтобы отъ его лекціи получалось наиболѣе цѣльное и полное впечатлѣніе; больные, приготовляемые для лекціи, изслѣдовались со скрупулезною подробностью; его лекціи иллюстрировались соотвѣтствующими препаратами и рисунками; къ своимъ лекціямъ готовился не онъ одинъ, и помощникамъ-врачамъ приходилось принимать ближайшее участіе въ томъ, чтобы не-

¹⁾ Медицинское Обозрѣніе 1902, № 2, стр. 183.

²⁾ Тамъ же, стр. 184—185.

бходимыя для лекціи демонстраціи вышли наиболѣе удачными, и перѣдко ихъ трудъ въ этомъ отношеніи былъ довольно большой; но этого ни въ какомъ случаѣ нельзя, конечно, поставить въ вину А. Я.; онъ заботился не о своемъ личномъ успѣхѣ, а требованія его были связаны съ успѣхами преподаванія и общаго дѣла. Ту же самую черту, стремленіе заставить и другихъ принять участіе въ общей работѣ иногда исполненіемъ какого-нибудь скучнаго порученія, можно было наблюдать у А. Я. и при организаціи неврологическаго музея и въ совмѣстной клинической работѣ. При этомъ онъ самъ являлся для всѣхъ образцомъ научнаго работника, онъ самъ не тяготился трудомъ, какъ-бы великъ онъ ни былъ. Врачи, занимавшіеся подѣ руководствомъ А. Я., проходили хорошую школу, которая, можетъ быть, для многихъ казалась трудной, но она была необходима. Какъ и во всемъ А. Я. не спѣшилъ ставить діагностики у клиническихъ больныхъ; онъ тщательно и внимательно изслѣдовалъ больныхъ, присматривался къ теченію болѣзни, къ ея проявленіямъ, и весьма часто другимъ было неизвѣстно, какое распознаваніе ставить А. Я. у такого-то клиническаго больного. Если больной демонстрировался на лекціи, какъ страдающій опредѣленною формою болѣзни, то діагностика ставилась очень тонкая и прекрасно мотивированная, неизбѣжно и логически вытекающая изъ того сочетаніе симптомовъ, который добытъ всестороннимъ изслѣдованіемъ больного. Строгая послѣдовательность въ выводахъ, отсутствіе уклоненій въ сторону, прирожденная способность спокойно и безъ увлеченія изслѣдовать данный научный или практическій вопросъ—вотъ тѣ основныя интеллектуальныя черты, которыя рѣзко проявлялись во всемъ томъ, за выполненіе чего брался А. Я., и благодаря которымъ онъ является образцовымъ ученымъ и изслѣдователемъ. Волевая сторона его психики была развита также въ сильной степени; онъ былъ настойчивъ въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, связанныхъ съ успѣхомъ любимой имъ науки и дорогихъ ему учрежденій, и энергія его проявля-

лась не порывами, а спокойно, постепенно, какъ-бы нарастая все больше и больше. Дѣйствительно, вліяніе его на окружающихъ и его умственная мощь увеличивались съ годами; онъ продолжалъ работать надъ собой, не смотря на то, что былъ убѣленъ сѣдинами, и въ этомъ отношеніи А. Я. представлялъ весьма поучательный примѣръ для окружающихъ.

Въ своемъ краткомъ очеркѣ жизни и дѣятельности А. Я. Кожевникова мы не задавались цѣлью сдѣлать сколько-нибудь полную оцѣнку его значенія для русской невропатологіи и психіатріи; главная цѣль настоящаго очерка—познакомить читателя съ наиболее важными фактами изъ жизни и дѣятельности А. Я. Кожевникова и съ тѣмъ, какъ смотреть на него лица, приходившіе съ нимъ въ соприкосновеніе на научномъ и общественномъ поприщѣ.